

Кира Измайлова, Анна Орлова

**«ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ»
«ФУТАРК. ПЕРВЫЙ АТТ»**

Кира Измайлова
«СТРАННИКИ»

Кира Измайлова, Анна Орлова

ФУТАРК. Первый АТТ

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ИЗ7

Художник
О. Бабкин

Измайлова К. А., Орлова А.

ИЗ7 Футарк. Первый атт: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1729-2

Виктор Кин превыше всего ценит покой и тишину и нежно любит кактусы. Увы, покой достойному джентльмену только снится! Родственники доставляют сплошные неприятности, таинственные происшествия сотрясают маленький провинциальный городок, дают о себе знать тайны прошлого... Замкнутый мизантроп Кин просто вынужден общаться с самыми разными людьми начиная от полицейских, мошенников, свободных художников и членов Королевского географического общества до призраков и фэйри! Хорошо еще, зайдя в тупик в очередном расследовании, Виктор с помощью рун всегда может отыскать подсказку. И не важно, идет речь о таинственном ограблении в поезде, отравлении при незаконном производстве спичек или о давней дуэли со смертельным исходом.

Итак, старая добрая Англия, провинция, сыщик-любитель — смешать, но не взбалтывать...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Измайлова К. А., Анна Орлова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1729-2

Футарк — древний германо-скандинавский алфавит.

Наиболее известен так называемый Старший Футарк, состоящий из двадцати четырех знаков — рун.

Старший Футарк подразделяется на три части — три атта, каждый из которых состоит из восьми рун. Порядок расположения рун четко определен и подчинен внутренним закономерностям.

Руны не только применялись для письма, но и широко использовались в магии, в частности, в гадании. При гадании каждая руна имела несколько значений. При этом знак трактовался в зависимости от того, в прямом или перевернутом виде он выпал.

Глава 1

ФЕХУ¹

*Немного о разных глазах,
акционерных обществах и кузене Сириле*

Богатство — источник раздора родни.
Как в море пожар, как волк в лесной чаще.
Но благо для добрых и трудолюбивых.

Англо-саксонская хроника²

— Ларример! — Голос мой раскатился по дому, вызвав эхо. Откуда, спрашивается, взялся эху в обычном городском доме, пусть и старинном? Ан нет, звучит. Хорошо еще, лавины не сходят; впрочем, я бы не удивился. — Ларример!

И он явился, невозмутимый, как верблюд, и величественный, словно заснеженные горные вершины. Особое сходство с последними моему дворецкому придавали благородные седины и изрядный рост. Насколько я знаю, в юности он служил в гренадерах.

— Утренняя почта, сэр! — провозгласил он.

— Благодарю, — рассеянно сказал я, забирая с подноса стопку писем. Счета, счета, рекламные проспекты... хм, очередное любовное послание, судя по запаху ду-

¹ Руна феху — буквально «домашний скот», «благополучие». В самом общем виде, феху обозначает способность преумножать и сохранять богатство. В магии трижды повторенная руна феху использовалась для получения богатства. В прямом положении — имущество, выигранное или заработанное, доход, удача. Символ достатка. В перевернутом положении обозначает финансовые потери, неудачи, утрату завоеванных позиций, потерю собственности. Символ жадности.

² Здесь и далее перевод с французского Ольги Шеляг.

хов, — его, не читая, в камин... А сиреневый конверт от тетушки Мейбл лучше оставить на потом. Не хочется портить себе аппетит перед завтраком. — Ларример, куда вы подевали мой запасной глаз?

— Который именно, сэр? — по-прежнему невозмутимо поинтересовался дворецкий.

— Хм... пожалуй, карий, — ответил я.

— Если мне будет позволено отметить... — Ларример сделал выразительную паузу, а поскольку я его не остановил, то продолжил: — Столь сильное различие неизменно привлекает взгляд, в особенности же юных барышень...

— Во-первых, — ответил я, — благодаря этому у нас нет проблем с растопкой для камина. А во-вторых, сегодня я намерен весь день посвятить моим крошкам. Уж больно снаружи сыро!

— Совершенно с вами согласен, сэр, — наклонил седую голову дворецкий.

— Так принесите мне глаз наконец!

После плотного завтрака я вновь взял в руки сиреневый конверт. Он буквально гипнотизировал меня... В том смысле, что мне мучительно хотелось поступить с ним так же, как с любовным посланием и рекламными проспектами! Увы, не получи тетушка Мейбл от меня ответа, она засыплет меня письмами. А то с нее еще станется явиться лично, а это неизмеримо хуже...

Может быть, отложить письмо до вечера? Впрочем, нет, тогда мне обеспечены ночные кошмары, а сейчас я хотя бы смогу успокоить нервы в компании моих верных любимцев... И я решительно вскрыл конверт.

На трех листах тетушка Мейбл обстоятельно, с многочисленными повторами описывала состояние своего драгоценного здоровья. Продираясь сквозь витиеватый старомодный почерк, я едва не задремал в кресле, как вдруг мое внимание привлекла очередная фраза... Так я и знал! Вести оказались куда хуже, чем я мог предположить...

Мой дражайший кузен Сирил и прежде славился не-

которым сумасбродством, однако на сей раз он превзошел сам себя! Нет, он не проигрался на скачках, не начал разводиться охотничьих собак и не собрался жениться на актрисе варьете. То все были мелочи, как мне теперь стало понятно... Сирил, насколько я смог понять из сумбурного повествования тетушки Мейбл, ввязался в некую сомнительную аферу с каким-то акционерным обществом. Барыши ловкие предприниматели обещали огромные, нужно было лишь купить определенное количество акций, а затем привести еще с десятков клиентов. И, разумеется, убедить их тоже вступить в общество... Конечно, Сирил спустил все наличные деньги (а их было не так уж много), однако то ли его знакомые оказались более здравомыслящими, то ли кузена моего Бог обделил даром убеждения, но собрать достаточно новых клиентов для общества он не сумел. Увы, сказали ему, в таком случае — никаких дивидендов, таков был уговор! Но, впрочем, он может купить еще акций и попытаться счастья снова... Как вы полагаете, что сделал этот... не слишком разумный молодой человек? Верно, влез в долги! И, конечно, к моменту, когда пришла пора расплачиваться с ними, у него в кармане не оказалось ни пенни... Тетушка Мейбл, обожавшая своего непутевого отпрыска до умопомрачения, вынуждена была распродать кое-что из драгоценностей и даже заложить мебель, а теперь просила у меня разрешения заложить поместье. И вот подошло время возвращать долги, и...

Одним словом, я мог бы одолжить Сирилу денег, лишь бы тетушка не лишилась любимого своего поместья и не поселилась под моей крышей — разве сумел бы я лишиться ее приюта? Беда в том, что проделывал это я уже не раз, но без всякой видимой пользы. Сирил каялся и клялся, что больше никогда не станет ввязываться в сомнительные предприятия, но проходило время, и все возвращалось на круги своя. И ладно еще карточные долги! На этот раз все зашло слишком далеко! В следующий раз поместье, чего доброго, и впрямь пустят с молотка...

И что прикажете делать? Я видел только один выход: пока время еще есть, разобраться, что же это за ловкие предприниматели, так задурившие моему недалекому кузену (и определенно не ему одному!) голову.

— Ларример, принесите мне пальто и шляпу! — велел я, вставая из-за стола, и тяжело вздохнул.

Как ни прискорбно, сегодня придется вместо общества моих крошек довольствоваться совсем другим обществом, а это уж точно неравноценная замена!

— Слушаюсь, сэр! — Дворецкий неодобрительно на меня покосился (по его мнению, отправляться на прогулку в такую погоду — это верный путь обзавестись ревматизмом), однако принес не только затребованное, но и зонт, и даже теплый шарф.

— Это лишнее. — Я отмахнулся от Ларримера, который норовил самолично повязать мне шарф, и продел руки в рукава пальто. — Я возьму машину.

Неодобрение Ларримера казалось густым и склизким, как овсянка.

— Сэр, прошу извинить, но вам не подходит...

— Опять старая песня! — нахмурился я, надевая шляпу. — Ларример, сколько можно? Я вполне могу сам сесть за руль.

Дворецкий осуждающе молчал. По его компетентному мнению, мне следовало держать целый штат постоянной прислуги, а не обходиться проходящими кухаркой и горничной. Ну и его персоной, разумеется.

— Я вернусь к обеду, — сообщил я Ларримеру, взглянув на часы.

— Конечно, сэр. — Он слегка поклонился и распахнул передо мной дверь.

Наверняка после моего ухода отправится на кухню, успокаивать нервы чем-нибудь сладким, жалуясь своей любимице на хозяина, попирающего вековые устои. Впрочем, у Ларримера не так много слабостей, и эта еще вполне безобидна...

Погода заставила меня пожалеть о той поспешности, с которой я взялся за решение дела тетушки Мейбл.

Хлестал дождь, порывы ветра опасно раскачивали деревья, а прохожие спешно прятались кто в домах, кто в подворотнях. Лобовое стекло машины заливала вода, да так, что «дворники» не поспевали ее смахивать.

Затормозив у полицейского управления, я вышел под дождь. Зря я все же отказался от зонтика! Пожалуй, нужно по возвращении выпить бренди, иначе я действительно подхватчу простуду.

— Чем могу служить, сэр? — спросил молоденький констебль, сидящий в будке у входа, как пес на цепи.

Хотя в настоящий момент на пса (притом промокшего до костей!) наверняка больше походил я.

— Я хотел бы видеть инспектора Таусенда, — сообщил я, стягивая перчатки. Стоило наклонить голову, как с полей шляпы на пол обрушился настоящий водопад.

— Сожалею, сэр, он сейчас у суперинтенданта. — Констебль честно тарачил голубые глаза. — Вы подождете?

— Да, пожалуй.

Лучше иметь дело с Таусендом — он самый разумный из этой братии.

— Как о вас доложить, сэр? — Констебль потянулся к старинному телефонному аппарату — настоящему монстру из бронзы и мрамора.

И вправду новичок.

— Виктор Кин, эсквайр, — отрекомендовался я сухо.

Пред светлыми очами инспектора Таусенда я предстал спустя примерно час. Хотя сегодня его глаза были скорее красными, нежели светлыми, видимо, от недосыпа.

— Инспектор, я очень рад снова вас видеть, — начал я.

Однако Таусенд был не расположен к долгим беседам и вежливым расшаркиваниям.

— Что вам угодно, мистер Кин? — неприветливо поинтересовался он, выпячивая живот.

Неудивительно — с полицией отношения у меня... неоднозначные.

— Видите ли, мой кузен, — я откинулся на спинку

стула (зверски неудобного, надо сказать), — ввязался в историю с неким акционерным обществом...

Инспектор меня тут же перебил:

— Можете не продолжать! Знаю я это общество. ФФФ, да?

— Верно, — кивнул я. — Следовательно, мой кузен — не первый пострадавший?

— Какое там! — устало отмахнулся инспектор. — Толпами нас осаждают! А что мы можем сделать?

— Стало быть, вы не намерены предпринимать по этому поводу расследование? — Так, снова не вовремя дала о себе знать вроде бы прочно позабытая специальность...

— Какое еще расследование? — удивился инспектор. — Сами денежки отнесли — сами виноваты. Они поверили в языческое заклятие: достаточно, мол, повторить трижды «феху», и прибыли посыплются как из рога изобилия! Какая чушь!

И он усмехнулся с едва прикрытым злорадством.

— Понятно, — заключил я, вставая. Наша полиция нас бережет! И закончил сухо: — Благодарю за внимание, инспектор!

— Мистер Кин! — уже в дверях окликнул меня он.

— Да, инспектор?

— Не ввязывались бы вы в это дело! — скороговоркой выпалил он, оглядываясь, словно опасался, что кто-то подслушает. — Не ровен час... Ну вы понимаете!

Даже его ухоженные бачки уныло обвисли. Кажется, неведомые мошенники имеют немалый вес в обществе!

— Боюсь, не вполне, инспектор. — Я покосился на него здоровым глазом, склонив голову к другому плечу. Почему-то эта моя привычка частенько выводит людей из себя, и инспектор исключением не был.

— Ну как же... — Теперь его бачки встопоршились, как у сердитого кота, а еще он пристально вглядывался мне в лицо, будто увидел что-то необычное. Странно, вроде бы не впервые видимся... и все больше по поводу злополучного Сирила, которого уже не раз приходилось

выручать. — Мистер Кин, вы должны были бы понимать, что подобные предприятия... гхм...

— Ах да, конечно, подобные дела лежат совершенно не в сфере интересов полиции, — скорбно кивнул я, не удержался и добавил: — Особенно если дело касается моего кузена, не так ли?

Инспектор надулся:

— Я, кажется, не давал повода...

— Ну что вы, — поспешил я успокоить его. — Поверите ли, я сам с преогромным удовольствием отправил бы Сирила на необитаемый остров. Правда, опасаясь, он и там нашел бы способ отравлять мне жизнь. Например, стал бы слать письма в бутылках... К тому же тетушка не пережила бы разлуки, и тогда...

— Да, да, да, — кивал Таусенд, явно не чаявший избавиться от меня. В прежние годы мне не раз удавалось заговорить его до такой степени, что он соглашался отпустить набедокурившего Сирила под мое честное слово, но сейчас случай был другой.

— Честь имею откланяться, — обрадовал я, и инспектор вздохнул с облегчением. Правда, тут же встрепенулся:

— Мистер Кин!

— Да-да? Вы переменили свое решение, господин инспектор?

— Ни в коем случае... — Он прищурился. — А вы, мистер Кин, часом, не на своем ли автомобиле приехали?

— Что вы! — искренне воскликнул я. — В такую-то непогоду! Разумеется, я взял такси!

Дело в том, что инспектор полагал (и небезосновательно), что людям, которые ничегошеньки не видят с одной стороны, водить автомобиль категорически противопоказано. Я же, грешен, люблю сам сидеть за рулем и давно уже приспособился к управлению, но Таусенд до сих пор не может простить мне того случая, когда я, не успев затормозить на перекрестке, протаранил его новехонькую машину. Разумеется, я оплатил ремонт и штраф, но продолжал злостно нарушать запрет инспек-

тора и по-прежнему водил сам. В конце концов он сдался: теперь этот запрет распространялся только на туманные, дождливые и снежные дни (каковые в наших краях преобладают), когда и полностью зрячий ничего не разберет за лобовым стеклом.

Оставалось надеяться, что в потоках дождя бдительный страж порядка не разглядит, такси меня поджидает или же собственный автомобиль! А констебль, опять же искренне надеюсь, не в курсе нашего с инспектором давнишнего конфликта и не выдаст меня...

Домой я ехал чинно и медленно, со скоростью если не черепахи, так уж среднего пешехода точно. Жаль, не выдалось возможности сравнить — на улицах было пустынно, что и неудивительно в такую погоду.

Впечатления от беседы с инспектором у меня остались крайне неоднозначные. Как понимать эти его оговорки? Действительно ли в деле замешаны влиятельные персоны или же просто кое-кто получает отступного за то, чтобы не вмешиваться в происходящее? Я верю, что Таусенд кристально честный человек (он даже не завысил стоимость ремонта своего автомобиля, хотя имел такую возможность), но ведь есть люди и повыше рангом...

Итак, кроме моего любезного кузена в ловушку мошенников угодило еще немало простаков либо же жадных до дармовой наживы людей (кстати, хотя Сирил относится именно к последним, ума у него не так уж много). И по большому счету инспектор не солгал: если люди отдавали деньги добровольно (а я уверен, документы у мошенников в порядке), то вряд ли тут можно что-то предпринять. Но как прикажете выручать тетушкино поместье?..

«Прежде всего, — решил я, входя в дом, — необходимо обсохнуть и согреться!»

— Ларример!

— Сэр! — появился он в холле, и лицо его выразило сдержанное неодобрение моим видом. И впрямь у меня снова текло со шляпы! Но Ларример был слугой хорошей выучки, а потому не позволил себе заметить: «А я

ведь предлагал вам взять зонт, сэр!» Это и так прекрасно читалось в его взгляде.

— Я в оранжерею, — сказал я, сбрасывая ему на руки мокрое пальто. — Будьте любезны, принесите мне туда бренди.

— Сию минуту, сэр.

Я рассеянно прошел через весь дом и поднялся в оранжерею. Здесь было восхитительно тепло, и в тщательно отрегулированном свете электрических ламп (которые старомодный Ларример категорически не желал признавать, как и прочие веяния прогресса) можно было представить, будто греешься на пляже.

— Ах ты моя прелесть... — проговорил я, склоняясь к одной из своих малюток. — Тилли, красавица, ты решила меня порадовать? Как это мило с твоей стороны! Я так и знал, что тебе не хватает освещения... А вы, сударь, — обратился я к другому питомцу, — ведете себя скверно! Уже год я только и вожусь с вами, Альберт, но вы сидите сиднем! Берите пример с Тилли и Оливии — вот славные девочки...

— Ваш бренди, сэр, — проговорил за спиной дворецкий.

— Благодарю, — ответил я, беря бокал. — Взгляните, Ларример, разве не прекрасное зрелище?

Свободной рукой я указывал на редкий экземпляр *Obregonia denegrii*, побаловавшей меня нежными беловатыми цветочками, особенно трогательными на фоне обильного пуха ареол.

— Да, сэр, — согласился он. — Простите, сэр, а нельзя ли немного передвинуть вот этого господина?

— Кристофера? — повернулся я к еще одному из украшений моей коллекции, прекрасному экземпляру *Grusonia grahamii*. — Почему бы вдруг?

— Видите ли, сэр, — сказал Ларример с достоинством, — этот господин немного слишком колюч. И когда намедни вы поручили мне включить освещение... А это вдобавок были мои лучшие брюки, сэр. Прошу прощения, сэр.

— Разумеется, мы его подвинем, — сказал я, сдерживая усмешку. Удивительно, почему меня мои кактусы никогда не колют? Может быть, дело в отношении? Ларример считает, что подобное занятие джентльмену не пристало, но увы... я предпочитаю общество моих колючих друзей любому другому. И, между прочим, сам дворецкий подолгу беседует со своей золотой рыбкой Ате-наис!

— Позволено ли мне будет также заметить, сэр... — Дворецкий деликатно выждал и, не получив возражений, продолжил с укоризной: — Вы забыли поменять глаз, сэр!

И протянул мне маленькое карманное зеркальце. Из зеркальной поверхности на меня уставились разноцветные глаза: карий и бледно-голубой. Зрелище и вправду было презабавное. Особенно хорош бы я был в роли какого-нибудь злодея: прекрасные приметы! То-то инспектор так на меня вытарашился!

Пришлось под неусыпным надзором Ларримера (интересно, почему он не сообщил мне о моем упущении до того, как я вышел из дому?) менять глаз на более приемлемый по цвету.

— Ларример, я буду обедать через час, — сказал я, закончив приводить себя в порядок.

— Как прикажете, сэр! — с каменным выражением лица согласился дворецкий, хотя любые нарушения режима он категорически не одобрял.

Когда Ларример отбыл на кухню, я принялся прохаживаться по оранжерее, размышляя о том, что дальше предпринять. Обратиться к кому-нибудь из старых друзей с просьбой о содействии? Но какую именно помощь они могут мне оказать?

Инспектор Таусенд прозрачно намекнул, что речь идет не об обыкновенных мошенниках, которых может задержать любой полицейский. Нет, дело тут куда запутаннее и тоньше...

Впрочем, что это я? Пожалуй, самое время получить подсказку.

Я напоследок окинул взглядом свои владения (как высокопарно именовал оранжерею милейший Ларример), сорвал с малышки Цинции ее первый плод и, рассеянно кусая его, пошел в кабинет.

Тут все осталось как при отце: тяжелые гардины, даже в солнечный день создающие приятный полумрак, полки темного дерева, кипы бумаг, разобрать которые у меня который уже год не доходили руки, немаркий (но чрезвычайно дорогой) ковер... Только на столе поубавилось корреспонденции, да в углу скромно устроился старинный шахматный столик. К нему я и направился, на ходу дожевывая подарок Цинции.

Я воровато пристроил хвостик плода на подлокотник дивана (не забыть бы потом убрать, не то последует полчасовая лекция Ларримера о том, что пищу должно принимать исключительно в столовой, и никак иначе!) и извлек из тайника заветную квадратную бутылку. Отец держал там марочный коньяк, а у меня несколько иные вкусы.

Некоторые ценители уверяют, что закусывать данный напиток следует исключительно сушеными сороконожками. И, надо признать, аборигены поступают именно так. Однако я не настолько чужд цивилизованности, чтобы питаться жуками, гусеницами или червяками, по крайней мере, без острой на то нужды. Хотя, конечно, и не такое бывало...

Я сделал три символических глоточка прямо из горлышка и усмехнулся. Воображаю, что бы сказал Ларример, доведись ему это увидеть! Наверно, немедленно потребовал бы расчета!

Нажав на потайную кнопку в шахматном столике, я выстучал на его поверхности секретный код и извлек из открывшегося ящичка свое сокровище. Ювелиры вряд ли дорого оценили бы содержимое этого мешочка, однако мне оно обошлось весьма недешево, так что для меня он куда ценнее бриллиантов.

Я потерял искусственный глаз и занялся привычным делом...

Спустя полчаса я, ликвидировав следы преступления и спрятав все улики, принялся размышлять.

Результаты оказались... неоднозначны.

Итак, что мы имеем на настоящий момент?

Одно из двух: либо все мои попытки приструнить ФФФ заранее обречены на поражение, либо я пытаюсь достичь вовсе не того, чего следовало бы.

В первый вариант я не слишком верю. Хоть инспектор и намекал на неких лиц, защищающих мошенников, однако на любых преступников можно найти управу.

А вот второй вариант представлялся куда любопытнее. Могло ли случиться так, что со слов тетушки Мейбл и инспектора Таусенда ситуация представилась мне совсем не такой, какой была в действительности? Собственно, а почему нет? Тетушка мнит своего драгоценного сыночка ангелом во плоти, вечно становящимся жертвой чужих козней. Инспектор же не склонен идеализировать Сирила, однако о его злоключениях именно в этом случае знал только с моих слов.

Итак, в чем же я мог ошибаться? И какие цели в данном случае могут быть ложными? Вроде бы ситуация вполне однозначна: требовалось спасти тетушку Мейбл и кузена Сирила от разорения.

Пожалуй, тут может быть лишь один вариант...

Когда на пороге кабинета выросла внушительная фигура Ларримера (он несколько раз кашлянул, привлекая мое внимание), я как раз заканчивал выстраивать стройную башню теорем. Осталось только раздобыть доказательства!

— Что случилось, Ларример? — недовольно спросил я, поднимая голову.

— Обед подан, сэр, — на всякий случай еще раз кашлянув, провозгласил он. И добавил с отеческой укоризной: — Я дважды звонил к обеду, сэр, но вы, видимо, так глубоко задумались, что не услышали.

— Да, спасибо, Ларример! — рассеянно поблагодарил я.

Кое-что начинало проясняться. Пожалуй, завтра придется нанести визит тетушке Мейбл.

Я досадливо покосился на окно, за которым бушевала гроза. Попросить Ларримера взять мне билет на поезд, вызвать такси или понадеяться на непостоянство нашей погоды?

— Обед, сэр! — напомнил дворецкий.

Пришлось встать и отправляться в столовую, а то с Ларримера, пожалуй, станется отшлепать меня за непослушание...

Вечер я провел в приятнейшем обществе своих крошек, теплого пледа и горячего чая с сэндвичами. Нет на свете более нежных и мягких созданий, чем мои малютки, и именно поэтому они вынуждены обзаводиться колючками.

Я полюбовался на милую парочку *Lobivia cinnabarina*, которые сладострастно подставили лампе свои обнаженные верхушки, лишенные шипов, и открыл книгу...

К поездке за город я готовился как к походу на войну: тетушка Мейбл из тех дам, которые способны подмечать любые мелочи (но только не за любимым сыном). Она дала бы фору инспектору Таусенду, я уверен! Именно поэтому перед выходом я особенно тщательно побрился, оделся как можно более элегантно (по-моему, для таких визитов вполне достаточно твидового пиджака, но тетушка не разделяла моих чересчур вольных взглядов) и попросил Ларримера проверить, все ли в порядке.

— Глаза у вас сегодня одинаковые, сэр, — сказал он невозмутимо, завершив тщательный осмотр, смахнул щеткой невидимую пылинку с моего плеча и предупредительно распахнул двери. — Ваш зонт, сэр!

На этот раз я не стал спорить: хоть сегодня и распогодилось, но климат наш настолько непредсказуем... А мне отнюдь не хотелось явиться под тетушкин кров, напоминающая водяную крысу!

Навстречу мне попался инспектор Таусенд, и я приветственно помахал ему рукой. Он поспешил припарковаться у обочины: кажется, ожидал от меня какого-то коварства. К счастью, по причине ясной погоды я мог

совершенно спокойно ехать куда заблагорассудится, чему был очень рад.

Для начала я нанес небольшой визит: поздно вечером мне пришла в голову забавная мысль, и я решил проверить ее. В конце концов, от меня не убудет!

Милейший мистер Смилоу, верный поверенный нашей семьи, принял меня с распростертыми объятиями и посетовал, мол, не видал меня так давно, что начал уже и забывать, как я выгляжу. Пришлось посидеть немного в его кабинете, разговаривая о том о сем, чтобы аккуратно подобраться собственно к теме беседы.

— Но вы ведь прекрасно понимаете, что это против всяких правил! — вскричал старичок, прижимая сухонькие руки к груди.

— Конечно, понимаю, — повинулся я. — Но, дорогой мистер Смилоу, моя милая тетушка угодила в столь неловкое положение, и мне так не хотелось бы доводить до огласки... Быть может, небольшое нарушение, о котором будем знать только вы да я...

— И мой друг!

— И ваш прекрасный друг, помню его, он замечательный человек! Думаю, ему приятно будет получить небольшой подарок, скажем, к Рождеству? Я уж не говорю о вас, мистер Смилоу, вы столько лет с нашей семьей, и всегда ваша работа была безупречна! Так неужели же единственный раз, когда...

— Ах, мистер Кин, молчите, молчите, — замахал он на меня руками. Кажется, старичок растрогался: на него моя манера смотреть по-птичьи, боком, действовала парадоксальным образом — он не раздражался, а умилялся. — Ну о чем вы говорите! Конечно, придется немного подождать...

— Я весь терпение! — заверил я и приготовился ждать.

Сперва мистер Смилоу долго дозванивался своему приятелю в банк и что-то журчал в трубку, как можно более обтекаемо описывая ситуацию. Потом еще при-

шлось подождать, когда тот узнает все, что мне было нужно, и перезвонит.

— Это все? — кротко спросил поверенный, глядя на меня.

— Да, — искренне ответил я. — Не могу выразить всей меры моей признательности, мистер Смилу! Вы сняли огромный камень с моей души и спасли репутацию моей семьи!

— Ах, что вы, что вы... — всплеснул он руками и, кажется, прослезился.

Церемонно распрощавшись с ним, я наконец отправился к тетушке Мейбл. Настроение у меня было превосходное: мысль моя вполне подтвердилась!

За городом оказалось просто замечательно, скорее всего потому, что вокруг я не видел ни одной живой души. Быть может, стоит почаще выбираться на природу? Взять с собой сэндвичи, найти уголок погуще и спокойно посидеть, глядя, как течет река и режутся стрекоты... Стоило мне подумать об этом, как меня с ревом обогнал мотоциклист. Хорошо еще не по луже, не то славно отмытая вчерашним ливнем машина превратилась бы бог знает во что! Вот тебе и покой...

Дорога оставляла желать лучшего, но я к ней давно приноровился. Вот наконец и поворот к тетушкиному поместью. Впрочем, поместье — это громко сказано. Просто довольно большой особняк, окруженный в самую меру запущенным садом, чуть на отшибе от прочих. Прежде здесь жил мой дед, но уже отец перебрался в город, оставив дом сестре с семейством: у него не было ни малейшего желания вникать в хозяйственные мелочи или, скажем, отчитывать нерадивого садовника! Тетушка же занималась этим самозабвенно, благо содержание ей полагалось недурное, да и от покойного супруга кое-что осталось. Тот, кстати, был страстным лошадиником. Быть может, Сирил удался в отца? Лошадей здесь теперь не держали, но азарт-то в крови остался!

Въехав во двор, я придиричиво огляделся. Хм... Кажется, оставшиеся от мужа деньги и рента, которую я, со-

гласно отцовскому завещанию, регулярно выплачивал тетушке Мейбл, впрок не шли. Дом давно следовало выкрасить заново, сад был запущен намного больше, чем то допускали приличия, розовые клумбы навевали уныние.

У бывшей конюшни, переделанной в гараж, стоял не новенький блестящий «джинзи», который я запомнил по прежнему визиту, а видавший виды «плодд» с заметно проржавевшим задним крылом и лысыми покрывками. Судя по сопению и сдержанным ругательствам (не дай бог, услышит тетушка Мейбл!), с колымагой возился сам Сирил, видимо, пытался поменять колесо.

Верно, вот он высунулся из-за «плодда», заслышав ровное урчание мотора, и попытался изобразить приветственную улыбку. Я видел: его раздражают противоречивые чувства. С одной стороны, я не раз выручал его из неприятностей, с другой — при всяком удобном случае (когда рядом не было тетушки Мейбл, а ее я что-то не заметил) устраивал головомойку. Правда, безрезультатно: то ли из меня скверный проповедник, то ли Сирил пропускал мои слова мимо ушей.

— О, Виктор! — воскликнул он, ненатурально улыбаясь, и пошел мне навстречу. — Как я рад тебя видеть!

— Взаимно, — сказал я, хотя никакой радости не испытывал.

— Извини, не могу пожать тебе руку, — сказал он и показал перепачканные ладони, — видишь?

— Вижу, — согласился я. — Что это у тебя за антиквариат?

— А, достался по случаю! — Сирил улыбнулся еще шире. — Знаешь, как увлекательно приводить машину в порядок своими руками?

— Боюсь, я был лишен такого удовольствия. — Я умолчал о том, что как-то раз мне довелось срочно ремонтировать грузовик (это при том, что механик из меня никудышный), и все прелести данного занятия я прочувствовал сполна. Как ни странно, на этом грузовике даже уда-

лось доехать до места назначения... Впрочем, это к делу не относится. — А где тетушка?

— Мама прилегла после обеда, — быстро сказал кузен. — У нее разболелась голова, и она решила вздремнуть.

Очень удачно! Кстати, я именно поэтому всегда стараюсь подгадывать свои визиты таким образом, чтобы не попасть на семейную трапезу. К сожалению, за столом тетушка Мейбл становится особенно невыносима.

— Сирил, — сказал я, — будь так любезен, поди вымой руки. Я хотел бы прогуляться и побеседовать с тобой кое о чем. И лучше в саду, чтобы не потревожить тетушку.

Кузен заметно спал с лица, но распоряжение мое выполнил, вернувшись через несколько минут уже чисто отмытым и переодевшимся.

— Рассказывай, Сирил, — сказал я, пресекая попытки кузена пойти со стороны моего незрячего глаза и крепко беря его за плечо.

— О чем?

— Обо всем. Что за акции, как ты умудрился вляпаться в эту историю, сколько задолжал? И кстати, как там поживает закладная на поместье?

Сирил совсем сник и посмотрел на меня жалобно. Его взгляд мог бы растрогать даже налогового инспектора, но я превосходно знал кузена и не дрогнул.

Даже удивительно, насколько мы похожи внешне — оба высокие, сухощавые, голубоглазые, разве что Сирил немного уже в плечах и черты лица у него помельче, — и насколько непохожи в жизни. Он — душа любой компании, порой мне кажется, что без общения кузен вовсе зачахнет. Я стараюсь как можно реже показываться на люди, шумных компаний мне когда-то хватило с лихвой. Он встречается то с одной, то с другой юной леди, причем умудряется расставаться с ними лучшими друзьями, но жениться не намерен (да и поди проделай этот трюк при живой и здравствующей тетушке Мейбл и отсутст-

вии средств!). На меня обращают внимание женщины, но я предпочитаю коротать время в своей оранжерее либо отдавать должное одному respectable заведению, в котором не спрашивают имен гостей и не узнают завсегдатаев в лицо. Я — человек вполне обеспеченный, но никогда не трачу сверх необходимого. Он — самозабвенный транжира, способный промотать любое состояние (что он уже и сделал с отцовским наследством). Видимо, именно поэтому мой отец и оставил племяннику только кое-какие надежные вклады с умеренными процентами и без возможности воспользоваться основным капиталом — уж он-то Сирила видел насквозь! Любопытно перемешивается кровь...

— Я все еще жду, — напомнил я, крепче сжав плечо кузена. Вот еще одно отличие — он никогда не был поклонником физических упражнений. Я, в сущности, тоже, но у меня не было другого выбора. Так или иначе, при желании я мог без особого труда совладать с Сирилом.

— Это вполне приличное предприятие, — заговорил он. — Право, за первые месяцы мои вложения полностью окупились, и это было куда больше, чем я получаю с вкладов, оставленных мне дядей!

— И все эти средства ты немедленно вложил в дело?

— Ну разумеется! Разве ты сам так не поступаешь? — покосился на меня кузен.

Я не стал говорить о том, что предпочитаю хорошо известные солидные фирмы, а не сомнительного толка общества.

— И чем же занимается это замечательное предприятие? — спросил я.

— В основном поставками племенного скота, — ответил Сирил, а я чуть не споткнулся от неожиданности.

Хм, а ведь «феху» означает не только богатство и прибыль, но и — буквально — скот! Впрочем, в перевернутом виде это символизирует неудачи и потери. Думается

мне, что для Сирила и остальных простодушных вкладчиков «феху» выпало именно перевернутым...

— Очень интересно! — произнес я. — Перспективное направление, насколько мне доводилось слышать. И какой же именно скот и куда они поставляют?

— По большей части они ввозят тонкорунных овец в Австралию, — выдал кузен, и я чуть было не споткнулся вторично. Он же продолжал: — Правда, в последнее время случились кое-какие затруднения, и выплата дивидендов приостановлена. Владельцы фирмы очень извинялись и даже просили акционеров о помощи: три их лучших скотовоза затонули у мыса Доброй Надежды... Ну и...

— И ты помог, — кивнул я, искренне стараясь не засмеяться.

— Ну конечно, затем ведь все будет по-прежнему, а мне пообещали премию — я все-таки нашел еще троих акционеров!

— И все для того, чтобы помочь любимой конторе... как бишь ее? Рога и копыта?

— ФФФ, — обиженно сказал Сирил.

— И сколько же ты потратил в общей сложности? О закладной и тетушкиных драгоценностях можешь умолчать, эти суммы она мне сообщила в письме.

Кузен помялся, посопел и назвал-таки цифру.

— Изрядно, — кивнул я. — Очень даже изрядно. А получил?

На этот раз ответ прозвучал уже менее уверенно.

— То есть ты, бедняжка, нынче в страшных убытках, — покачал я головой. — Даже машину пришлось продать, верно? Иначе зачем тебе та колымага?

— Ага, — понуро сказал Сирил. — Жаль было, но что делать?..

— А ничего, мой дорогой кузен, — ответил я жестко. — Идти и выкупать тетушкину мебель.

— Но на что?! — вытаращился он на меня.

— Сирил, мне очень жаль тебя огорчать, — сказал я, — но ты далеко не так умен, как кажется тетушке.

Правда, хочу отдать должное, на этот раз ты меня едва не провел...

— Виктор, я не понимаю, о чем ты...

— Ты прекрасно все понимаешь, Сирил. Средства у тебя еще остались, но ты, раз уж мы прибегаем к аналогиям из животного мира, решил сделать из меня дойную корову. Ты ведь прекрасно знал, что я не смогу оставить тетушку без крова и уж подавно не намерен существовать с вами под одной крышей. Следовательно, я либо выкупил бы поместье, либо обеспечил вас иным достойным жилищем. Тетушка, бедняжка, так доверчива... Уверен, стоило тебе посмотреть на нее жалобным взглядом, и она кинулась распродавать все вплоть до столового серебра! И еще, — добил я, — уверен, твой новенький «джинзи» стоит сейчас в гараже у какого-нибудь твоего приятеля. Может, даже перекрашенный.

Сирил сглотнул.

— Я ничего не скажу тетушке, — произнес я и повернул к дому. — Она вряд ли мне поверит, увы. Но если ты в ближайшую же неделю не выкупишь дом, я буду вынужден сообщить ей о твоём мошенничестве.

— Но откуда ты... — заикнулся он, чем выдал себя с головой.

— У меня свои методы, — ответил я. Очень полезно иметь кое-какие связи. Или поверенного с хорошими связями: его знакомый банкир в обход правил сообщил, что на счетах моего кузена заметно прибыло средств, а вовсе не убыло, как обычно! — И еще, Сирил... Овец в Австралию завезли больше двухсот лет назад. Да и морские маршруты с тех пор сильно изменились... Передавай привет тетушке, а мне пора!

С этими словами я и убыл. Сирил трус, и я был уверен — закладную он выкупит. Но каков нахал!

Назавтра я наслаждался прекрасным чаем и просматривал утренние газеты. Внимание мое привлекла небольшая заметка далеко не на первой полосе. В ней коротко сообщалось о внезапном банкротстве некоего акционерного общества, владельцы которого, разумеется,

мгновенно исчезли с выручкой, оставив десятки людей бессильно негодовать.

Я рассмеялся и сложил газету. Как, должно быть, Сирил радуется сейчас, что не успел спустить последние деньги на акции ФФФ!

Глава 2

УРУЗ¹

*Немного о бычьей силе, художниках
и могуществе рекламы*

Зубр огромен и дик,
На рога поднимает врагов.
Великий воин равнин —
Свиреп он и храбр.

Англо-саксонская хроника

Утро выдалось удивительно солнечным, что в наших краях является несомненным подарком судьбы. Я был особенно рад: сегодня мои крошки смогут обойтись естественным освещением, и это замечательно, поскольку никакие, даже самые современные электрические лампы не могут заменить настоящего солнечного света. Конечно, солнце здесь не столь горячо, как на родине моих малюток, но достаточно яркое. А уж согреть воздух вовсе не сложно! Кроме того, кое-какие мои питомцы и вовсе не нуждаются в тропической жаре. Она им может попросту навредить! Помню, я вдоволь намучился, разделяя оранжерею на несколько отсеков: в каждом требовалось поддерживать нужную температуру. И если зимой с этим серьезных проблем не возникало, то вот остудить кое-какие из них летом было куда сложнее. Приходи-

¹ Руна уруз — буквально «тур», «дикий бык». Символизирует личную силу — как физическую, так и психическую. В магии используется для омоложения и возвращения здоровья. В прямом положении — физическая сила и скорость, воплощение чего-то нового. Энергия, упорство, сексуальное желание, мужская потенция. В перевернутом положении — слабость, неоправданный риск, болезнь, зверство, насилие.

лось уносить бедняжек внутрь дома, где толстые каменные стены не пропускали губительной для них жары. К счастью, далеко не всякое лето баловало нас подобной погодой, а с временными неудобствами легко было смириться...

Расположившись в любимом кресле, я лениво просматривал утренние газеты. В стране и в мире не происходило решительно ничего интересного, и это меня вполне устраивало. Хватит с меня разных... интересных! Городские сплетни меня мало занимали, новости тоже, вот разве что биржевые сводки следовало просмотреть повнимательнее, каковому занятию я и отдался со всем тщанием и так увлекся, что не сразу услышал осторожное покашливание.

— Что такое, Ларример? — удивился я.

Дворецкий очень редко позволял себе нарушать мое уединение, и только по веским поводам, однако сейчас он всего лишь принес еще одну газету, причем держал ее кончиками пальцев, на отлете, как дохлую мышь. На лице Ларримера было написано крайнее неодобрение.

— Сэр, — сказал он, — если мне будет позволено заметить...

По опыту я знал, что, даже если ему не будет позволено, Ларример все равно найдет способ донести до хозяина свое мнение. Проще было выслушать его сразу.

— Да-да?

— Сэр, по моему глубочайшему убеждению, такому почтенному джентльмену, как вы, следовало бы отказаться от подписки на этот... листок. — Он брезгливо покосился на газету.

— Ларример, вы не могли бы объяснить поподробнее, чем вас так расстроило несчастное «Зеркало»? — Мне стало любопытно.

— Видите ли, сэр, — сказал дворецкий, — мне потребовалась газета, и я позволил себе взять один из старых номеров, чтобы...

— Ларример, мне совершенно неинтересно, зачем вам нужна была газета! — поморщился я. — Тем более

если это... да, номер недельной давности. Ближе к делу, прошу вас!

— Так вот, сэр, — невозмутимо продолжал он, — развернув ее, я случайно ознакомился с содержанием рекламных объявлений. Должен вам сказать, сэр, что во времена старого хозяина подобное было бы решительно невозможно! А поскольку вы — достойный наследник семьи, то...

— Да-да, я должен вести себя подобающе, — кивнул я, листая сегодняшней номер «Зеркала» в поисках страницы с объявлениями. — Хм... Продается дом... Некое семейство ищет гувернантку для мальчика пяти лет, непременно миловидную француженку не старше двадцати пяти... уж не папаша ли давал объявление?

— Сэр!

— Я шучу, Ларример! Так, предлагается выездная коляска и пара прекрасных лошадей... да на их содержании разориться можно! Опытная домработница ищет место, рекомендации в наличии... Автомобили компании «Трагар» — лучшие в мире... как же, знаю я их колымаги. Полчаса едут, три — чинятся... Патентованное средство для роста волос для мужчин и женщин... угу, от такого, пожалуй, и облысеть недолго! Ларример, я никак не возьму в толк, что вас так возмутило?

— Взгляните на обороте, сэр, — нахмурился он. — Это еще не всё!

Я перевернул страницу.

— А-а...

Ну, теперь мне было доподлинно ясно, что так взволновало старого дворецкого. Прямо посередине газетного листа красовалось большое объявление (а рекламное место нынче недешево!). Стилизованный рисунок изображал дамский корсет во всех подробностях, вокруг роились ангелочки с садовыми лейками в руках и зачем-то оный корсет старательно поливали. Ах вон оно что! «Нержавеющие корсеты «Риофрю» — лучший выбор для современной дамы!» Надо же, чего только не придумают... Они что, полагают, дама отправится купаться прямо в

этом сооружении? Хотя она ведь может попасть под дождь... Или они имели в виду материал? Ну, тогда это уже «железная дева» какая-то! Может, он еще и пуленепробиваемый? Хотя зрелище, наверно...

Отогнав излишне фривольные мысли, я обратился к Ларримеру:

— По-моему, очень забавная картинка. Не вижу в ней ничего предосудительного. Смотрите, на ангелочках даже фиговые листики есть...

— Сэр, вы снова изволите шутить! — с горечью сказал дворецкий. — В прежние времена никто и помыслить бы не посмел выставить... выставить... *это* на всеобщее обозрение!

— Бросьте, Ларример, — засмеялся я. — Все течет, все меняется... Смотрите, вон еще реклама парижских шелковых чулок, которые не рвутся ни при каких обстоятельствах!

— Сэр!

— И замечательных кальсон со штрипками, для настоящих джентльменов, — добил я. — Ну право, вас же никто не заставляет разглядывать все эти картинки?

— Нет, сэр, но вы, как достойный...

— Будьте спокойны, Ларример, я вообще не заглядываю на страницы с объявлениями, — сказал я. — Что я там потерял?

Кажется, мои слова немного его успокоили, но только немного.

— Но, может быть, все-таки вы откажетесь от подписки, сэр? — жалобно спросил он.

— Ну уж нет! В «Зеркале» печатают самые полные биржевые сводки, — отрезал я. — И еще дают объявления о конкурсах общества цветоводов и...

Тут я понял, что конспиратор из меня никудышный...

— Но это же на первой странице, — поспешил я добавить, — а там нет никаких... хм... безобразий. Успокойтесь, Ларример, все в порядке!

— Да, сэр, — произнес он голосом полным скорби и

удалился, по-прежнему держа злосчастную газету за уголок.

Правда, минут через пять он вернулся.

— Сэр...

— Что такое, Ларример?

— Письмо, сэр. Ума не приложу, как я мог пропустить его... Должно быть, выронил: оно лежало у самой двери...

— А, бросьте казнить, — сказал я и взял плотный конверт коричневой бумаги. Ну да, все верно, Виктору Кину, эсквайру, лично в руки. Интересно, что там?

В конверте оказалась некая брошюра. Обычно я выбрасываю рекламные проспекты не читая, но на этот раз почему-то решил взглянуть. Наверно, на меня подействовала беседа с Ларримером. Итак...

Через полминуты я понял, что моя привычка избавляться от таких брошюрок немедленно очень верна. Кто только сочиняет подобную чушь?! «Всего лишь короткий курс лечения нашим препаратом, и ваша мужская мощь возрастет стократно!» Дальше было несколько скабрезных абзацев, восхваляющих чудодейственное средство, делающее мужчину неотразимым, и кратенькое примечание: дескать, препарат еще и избавляет от любых нежелательных последствий, коим чреватые случайные связи... И да, рисунки там тоже наличествовали.

Фу ты, ну и пакость! Теперь понятно, почему «лично в руки»: не приведи боже, подобное попадется на глаза какой-нибудь даме... Но откуда у этих мошенников мой адрес? А впрочем, они, должно быть, рассылают свои брошюрки по списку из адресной книги...

Как нарочно, камин не горел: сегодня было слишком тепло. И как прикажете избавляться от этой гадости? Если Ларример ее увидит, боюсь, я попросту лишусь дворцацкого!

Пришлось спрятать конверт со всем содержимым между книгами. Главное, не забыть потом сжечь его!

Следующие несколько дней не были примечательны совершенно ничем, если не считать радостного собы-

тия — на моей прекрасной *Neolloydia conoidea* наконец-то раскрылся восхитительный цветок! Признаться, я уже и не надеялся, что она когда-нибудь расцветет, и это стало для меня приятной неожиданностью.

Ну а в субботу меня ждало интереснейшее мероприятие: цветоводческая выставка в нашем ботаническом саду. Конечно, сам я участвовать не собирался: во-первых, я старался не афишировать свое увлечение (у меня и без того репутация немного эксцентричного джентльмена), во-вторых, пришлось бы вынести наружу моих нежных питомцев, а весна хоть и выдалась теплой, но только для местных уроженцев. Боюсь, даже недолгое пребывание на открытом воздухе могло бы стать губительным для многих моих подопечных.

Итак, я мало рассчитывал увидеть новые экспонаты — кактусами в наших краях, по-моему, занимаются всего несколько человек (с ними я состою в переписке), и у них нет ничего такого, чего не оказалось бы в моей коллекции. (По правде сказать, я стараюсь поменьше упоминать об имеющихся у меня редкостях, чтобы не вызывать профессиональной зависти, а лишь поддерживаю беседы о тонкостях ухода за нашими колючими любимцами и делюсь небольшими секретами — все для-ради питомцев!) Но вдруг?.. Кроме того, я ничего не имею против других растений и всегда рад полюбоваться роскошной геранью или благоуханными гиацинтами.

Тщательно одевшись (и не забыв проверить, все ли у меня в порядке с глазами), я собрался отправляться.

— Ну и времена пошли, — ворчал Ларример, подавая мне легкое элегантное пальто. — Вот при старом хозяине в этакое место только господ пускали, да и то с разбором... А теперь — глядите-ка! Набежит толпа не пойми кого, чего доброго, какую-нибудь леди толкнут или во-все своруют что-нибудь...

— Боже мой, Ларример! — вздохнул я. Мой дворецкий неисправим, но я к нему давно привык. — Не беспокойтесь, у входа дежурят констебли, вовсе уж скверно одетую публику они не пропустят. Я уж молчу о подо-

зрительных личностях! Более того, вход платный, средства, кажется, пойдут на благотворительные цели... Не переживайте так.

— Как прикажете, сэр, — сказал он, открывая дверь, и его седые бакенбарды встопорщились от сдерживаемого негодования. — Сэр! Возьмите трость!

— Ларример, ну зачем она мне? — взмолился я, но он уже протягивал мне отцовскую трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы.

— У вас с нею исключительно элегантный вид, сэр, — довольно сказал дворецкий.

«Ладно, я всегда могу забыть ее в машине», — подумал я и отбыл.

У входа в ботанический сад уже было многолюдно, мне пришлось оставить автомобиль неподалеку и немного прогуляться. И да, я все же захватил трость: во-первых, кто-нибудь может польститься на дорогую вещь, а это все-таки память об отце, а во-вторых, зачем мне выбитое стекло в машине? Судя по тому, как поглядывали на меня дамы, вид у меня и впрямь был солидный и весьма привлекательный... Впрочем, они и так частенько на меня поглядывают.

Уплатив за вход, я направился по аллее, раскланиваясь со знакомыми и время от времени перебрасываясь с кем-нибудь парой слов о погоде. Вступать в длительные беседы у меня не было никакого желания.

Я миновал первый павильон, где глаз ласкали буйные переливы пышных соцветий гераней, затем окунулся в кружащий голову аромат павильона весенних цветов: острый запах гиацинтов пастельных расцветок; почти незаметный среди остальных, горьковатый — нарциссов. Здесь же красовались великолепные тюльпаны (особенно гордо выглядел владелец нескольких черных махровых цветков), еще какие-то неведомые растения... Каюсь, я скверно разбираюсь в первоцветах, но этот запах спутать не мог ни с чем! Здесь собралась небольшая толпа, но природа наделила меня изрядным ростом, и я

сумел заглянуть поверх голов. Ландыши! Вот это сюрприз! Впечатленный, я отправился дальше.

Вот павильон с розами — их оказалось немного, пока ведь не сезон, а мало кто содержит теплицы, но там нашлись премилые миниатюрные создания. Розы я люблю, они напоминают мне моих питомцев наличием шипов... Тут же разместились дивные в своей холодной красоте гардении с их будто восковыми листьями, азалии...

Наконец я добрался до павильона с экзотическими растениями. Попадались мне уже виденные когда-то и вовсе не ведомые — это было любопытно. Но, конечно, ни одного кактуса, если не считать огромного молочая, выдаваемого за оный кактус. Увы! Выглядят они и впрямь похоже, но уж я-то не спутаю! Разумеется, я промолчал: большинству это безразлично, а чего ради портить настроение публике и владельцу?

На одной из площадок царило сущее столпотворение: дамы восторженно ахали, господа вздыхали. Снова меня выручил рост: я увидел под стеклянными колпаками замечательные орхидеи. Рядом стоял бдительный хозяин. Не представляю, каких трудов стоило ему доставить эти капризные растения в ботанический сад по нынешней-то погоде! Насколько я помню, далеко не все они хорошо переносят прохладу...

Тут я заметил знакомую фигуру и попытался было ретироваться, но было поздно. Ко мне приближалась миссис Таусенд, волоча на буксире несчастного супруга.

— Миссис Таусенд, — приподнял я шляпу. — Инспектор...

— Мистер Кин! Рада видеть вас! — воскликнула она, дама дородная, рослая и, судя по всему, сильная. — Я знала, что непременно увижу вас сегодня, вы ведь не пропускаете ни одной выставки!

— Равно как и вы, миссис Таусенд, — улыбнулся я. О да, супруга инспектора была без ума от гераней, и ее растения неизменно брали призовые места. — Позвольте поинтересоваться, как нынче ваши успехи?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> ФЕХУ. Немного о разных глазах, акционерных обществах и кузене Сириле	6
<i>Глава 2.</i> УРУЗ. Немного о бычьей силе, художниках и могуществе рекламы	26
<i>Глава 3.</i> ТУРИСАЗ. Немного о гадалках, подложном женихе и полтергейсте	71
<i>Глава 4.</i> АНСУЗ. Немного о слухах, полиции и тетушке Мейбл	118
<i>Глава 5.</i> РАЙДО. Немного о поездах, юных девах и актрисах.	172
<i>Глава 6.</i> КЕНАЗ. Немного о творческом огне, спичках и маяке	198
<i>Глава 7.</i> ГЕБО. Немного о болтливых призраках, свадьбах и кактусах	233
<i>Глава 8.</i> ВУНЬО. Немного о романтических письмах, лорде Блумберри и семейном счастье	282